

Информация для цитирования:

Ипполитов В. А. «Аграрные беспорядки» в Центральном Черноземье осенью 1905 года / В. А. Ипполитов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 405—426. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-405-426.

Ippolitov, V. A. (2024). “Agrarian Unrest” in Central Black Earth Region in Autumn 1905. *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 405-426. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-405-426. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**«Аграрные беспорядки»
в Центральном Черноземье
осенью 1905 года**

Ипполитов Владимир Александрович

orcid.org/0000-0001-9327-3865

ScopusAuthorID 58616569100

WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

vladimir.ippolitov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда

№ 22-18-00132,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

**“Agrarian Unrest”
in Central Black Earth
Region
in Autumn 1905**

Vladimir A. Ippolitov

orcid.org/0000-0001-9327-3865

ScopusAuthorID 58616569100

WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022

PhD in History,

Senior Researcher

vladimir.ippolitov@mail.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported

by the Russian Science Foundation,

grant № 22-18-00132, <https://rscf.ru/>

[project/22-18-00132/](https://rscf.ru/project/22-18-00132/)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Источниками исследования стали документы первого департамента министерства юстиции об «аграрных беспорядках» осенью 1905 года в Центральном Черноземье, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Рассматривались дела, касавшиеся аграрных выступлений в Тамбовской и Воронежской губерниях. Сделан акцент на изучении участия крестьян поколения «революционного перелома» в аграрном движении (к этому поколению относят людей, родившихся приблизительно в 1890-е годы). Сделан вывод о значительной роли слухов во время революции. Автор рассматривает причины крестьянских выступлений, их алгоритм и особенности. Проанализирована роль «вожаков» в «аграрных беспорядках». Защищниками часто выступали молодые люди, менее склонные соблюдать традиции. Сделан вывод о ведущей роли молодежи в революционном движении. Установлено, что городские волнения играли роль катализатора аграрных выступлений. Роль общины проявилась в подготовке и осуществлении порубок леса, погромах и т. д. Анализировалась эволюция мозаичного характера крестьянского самосознания в период «революционного перелома». Автор пришел к выводу, что манифест 17 октября 1905 года сыграл немаловажную роль в пробуждении революционного сознания в тамбовской и воронежской деревне. Рассмотрены недостатки ведения следствия по делам об «аграрных беспорядках», позволявшие множеству бунтовщиков избежать наказания. Вычислен средний возраст обвиняемых крестьянин (35,6 лет).

Ключевые слова:

крестьянство; революция; аграрные беспорядки; дворянство; Центральное Черноземье; министерство юстиции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study draws on documents from the first department of the Ministry of Justice regarding "agrarian unrest" in the Central Black Earth region in autumn 1905, housed in the Russian State Historical Archive. Cases related to agrarian uprisings in the Tambov and Voronezh gubernias are examined, with a focus on studying the involvement of peasants from the "revolutionary generation" in the agrarian movement (individuals born approximately in the 1890s). The significant role of rumors during the revolution is highlighted. The author explores the causes, algorithms, and characteristics of peasant uprisings, analyzing the role of "leaders" in "agrarian unrest," often led by young individuals less inclined to adhere to traditions. The leading role of youth in the revolutionary movement is emphasized, with urban disturbances acting as catalysts for agrarian uprisings. The communal role is evident in preparing and carrying out forest clearances, pogroms, and more. The evolution of the mosaic nature of peasant self-awareness during the "revolutionary generation" period is analyzed. The author concludes that the October 17, 1905 manifesto played a significant role in awakening revolutionary consciousness in the Tambov and Voronezh villages. Shortcomings in investigating cases of "agrarian unrest" are discussed, allowing many rebels to evade punishment, with the average age of accused peasants calculated at 35.6 years.

Key words:

Peasantry; Revolution; Agrarian Unrest; Nobility; Central Black Earth Region; Ministry of Justice.

УДК 94(47).083

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-405-426

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

«Аграрные беспорядки» в Центральном Черноземье осенью 1905 года

© Ипполитов В. А., 2024

1. Введение = Introduction

Крестьянское движение в годы первой русской революции было достаточно популярной темой в советской историографии [Дубровский, 1956], [Сенчакова, 1989] и др. Но, несмотря на обилие работ, до сих пор остаются недостаточно исследованные аспекты этой темы [Кондрашин, 2020]. В постсоветский период активно изучалось крестьянское движение в Центральном Черноземье, но стоит отметить отсутствие обобщающих работ, отражающих состояние научных знаний на современном этапе. Последнее крупное исследование по этой теме вышло из-под пера В. А. Степынина в 1991 году [Степынин, 1991]. Крестьянское движение в Центральном Черноземье по отдельным губерниям рассмотрено в трудах В. Б. Безгина [Безгин, 2017, 2023], И. В. Гаврилюка [Гаврилюк, 2013], М. Е. Разинькова [Разинькова, 2021] и др. Стоит отметить незначительное количество современных публикаций, посвященных крестьянскому движению в Тамбовской губернии. В данной статье предпринимается попытка восполнить данный пробел, а также рассмотреть малоизученные проблемы крестьянского движения: поколенческий аспект, роль слухов, алгоритм крестьянского выступления, вопрос о наказании виновных и др.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Особое внимание уделяется изучению поколения «революционного перелома», представители которого родились, по мнению Ю. А. Левады, в основном в 1890-е годы. [Левада, 2001]. Д. А. Сафонов считает, что к этому поколению относятся люди, родившиеся начиная с середины 1880-х годов [Сафонов, 2023]. Следовательно, сознательный период жизни молодежи поколения «революционного перелома» приходился на годы первой российской революции.

Работа основана на применении междисциплинарного подхода «поколенческой истории». Автор солидарен с мнением Т. Шанина, утверждав-

шего, что без изучения поколенческой истории научная картина мира будет не вполне точной [Шанин, 2005].

Источником для исследования стали документы министерства юстиции, находящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) по аграрному движению в Тамбовской и Воронежской губерниях. Именно в этих регионах происходили наиболее масштабные аграрные выступления. Ценность документов министерства юстиции для изучения крестьянских выступлений в годы первой русской революции очевидна. По судебным материалам можно проследить все этапы делопроизводства, начиная с информации о преступлении и заканчивая приговором суда. В документах первого департамента министерства юстиции сохранились материалы 149 дел по «аграрным беспорядкам» осенью 1905 года, рассмотренных Тамбовским окружным судом. В комплекс документов входили представления судебных органов, рапорты с мест, распоряжения, материалы следствия, решения судов и т. д. Многие свидетельства были записаны из «первых рук», сохранились записи разговоров и высказываний участников «аграрных беспорядков». Документы министерства юстиции позволяют упорядочить и дополнить выводы, сделанные по источникам личного происхождения [Ипполитов, 2023].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Причины и основные движущие силы крестьянских выступлений

Конец 1905 года считается периодом наивысшего подъема крестьянского движения. Именно тогда оно было наиболее массовым, и при этом пострадало самое большое количество помещичьих имений [Тюкавкин и др., 1987, с. 76]. По подсчетам В. А. Степынина, за сентябрь–декабрь 1905 года в Тамбовской, Воронежской, Курской и Орловской губерниях произошло 725 крестьянских выступлений [Степынин, 1991, с. 69]. В ходе последующих событий 1906—1907 годов аграрное движение развивалась по схожему сценарию, но его интенсивность спала.

В любом аграрном обществе слухи составляли важную часть массового сознания. В традиционном социуме они выполняли значительную коммуникативную роль. В российской деревне начала XX века слухи были основным способом распространения информации. Особенно важную роль слухи и рассказы играли в период общественных потрясений. По мнению Л. Виолы, «слухи были не просто новостями или альтернативным взглядом на события, а оружием из арсенала крестьянского сопротивления» [Виола, 2010, с. 62]. По сообщениям современников, среди крестьян шли постоянные разговоры на тему передела земли. В своих показаниях по-

терпевшие при погромах свидетельствовали об «общем возбуждении за последнее время» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 в, л. 75].

В годы первой российской революции слухи являлись важнейшим фактором аграрных выступлений. «Толки» о передаче земли крестьянам, царском манифесте, «воле» позволяли преодолеть обоснованные опасения репрессий за свои действия. Фиксировались слухи, что сам царь разрешил грабить помещичьи экономии. Наивный крестьянский монархизм сочетался с идеей «черного передела» земли. В Острогужском уезде крестьяне кричали во время грабежей: «Настал прах (гибель) панам» [Там же, д. 47 г, л. 24]. Осенью 1905 года в сельском социуме ходили слухи о том, что повсеместно весной следующего года крестьяне будут пахать помещичьи земли. Отсюда стремление как можно скорее «выкурить» дворян из своих усадеб. С этим слухом коррелируют распространенные разговоры о том, что если до Нового года крестьяне не сожгут помещичьих усадеб, то они никогда не получат земли [Там же, д. 47 б, л. 10]. Тяжелое положение с продовольствием подогревало слухи о голоде. В Козловском уезде летом 1905 года ходил «нелепый слух, тревожащий население, <...> будто бы весь продовольственный капитал почему-то отправлен в Японию» [Андреев, 1925, с. 58].

Активными распространителями слухов были крестьяне, вернувшиеся с работы из городов. В деревне Рогожки Елатомского уезда, по донесению в министерство юстиции, жители П. Воеводин и М. Винокуров, приехавшие из Баку, будучи пьяными, распространяли провокационные слухи. По их словам, «вся земля их, <...> они будут делать, что им угодно, только убивать и жечь нельзя, а брать и грабить — все можно» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 б, л. 20].

По свидетельствам очевидцев, настроение крестьян в период выступлений было «тревожное». Причинами аграрных выступлений служащие министерства юстиции обоснованно считали «малоземелье и недород» текущего года, а также распространившуюся «по России смуту» [Там же, д. 47 а, л. 102]. Немаловажным фактором являлась уверенность населения в ослаблении государственной власти.

Вопрос о «стихийности» и «организованности» аграрных беспорядков 1905—1907 годов остается дискуссионным. О. Г. Вронский заявлял об «организованном характере действий крестьян», который обеспечивала поземельная община [Вронский, 2000, с. 42]. Другую сторону «организованности» подчеркивал Б. Н. Миронов, который полагал, что сельское население оказалось «под существенным влиянием политических партий и произошло слияние крестьянских волнений с агитацией радикальной интеллигенции» [Миронов, 2015, с. 579]. Напротив, Т. Шанин считал аграрное движение 1905—1907 годов «спонтанным и руководимым самими же

крестьянами делом» [Шанин, 1997, с. 153]. Также С. А. Нефедов называл крестьянские восстания стихийными и неуправляемыми [Нефедов, 2010, с. 484]. Видимо, при анализе крестьянского выступления нельзя противопоставлять «стихийность» и «организованность». Крестьянский бунт носил, несомненно, стихийный характер, но предполагал наличие специфической организации, характерной для традиционалистского общества. Ведущая роль общины не исключала спонтанной активности малых групп, действовавших автономно «обществу». Велика была доля хулиганства, что было особенно характерно для молодежи.

В Центрально Черномозных губерниях аграрное движение начиналось, как правило, «самовольной порубкой» леса, принадлежащего крупным землевладельцам. В деревенском социуме были распространены слухи о том, что якобы «вышел такой закон, который разрешает им производить порубку и это их право» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 47 г, л. 94]. Важнейшее значение имел пример соседних волостей. Крестьяне, задержанные властями, отказывались признавать себя виновными на том основании, что «в настоящее смутное время порубки везде производятся» [Там же, л. 95]. Поводом для начала разграбления лесов могли быть увиденные подводы соседних крестьян с краденым лесом.

Сельские должностные лица обычно подчинялись воле общины. Например, жители села Ардабьева Темниковского уезда уговорили старосту составить протокол о разделе леса, принадлежащего купцу И. Девিশеву. Несмотря на отказ, крестьяне заявили: «Если староста отказывается, то его и не нужно, а приговор написать надо, чтобы не выдавать друг друга» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 б, л. 74]. Крестьяне полагали, что коллективное совершение действия поможет избежать репрессий со стороны властей. 10 ноября 1905 года выборные от населения поделили лес на десятины и начали рубку. Мероприятие производилось организованно: одни группы сменяли другие, поэтому сторожа ничего не могли с этим сделать.

По свидетельству земского начальника М. М. Кишкина, крестьяне отправлялись грабить именья из-за призывов, как они говорили, «забастовщиков». Некие агитаторы убеждали сельчан, что их поступки окажутся безнаказанными «за невозможностью посадить всех» [Там же, д. 47 а, л. 80]. Пример городских революционных событий, несомненно, влиял на поведение крестьян. Нередко разгром экономий они называли «забастовкой» по примеру рабочих. Революционные события в городе преломлялись в сознании сельчан и мотивировали их на решение своих задач.

Паника в экономиях, сопровождаемая разнообразными слухами и бегством их жителей, служила еще одним фактором для их разорения. Крестьяне, пострадавшие от неурожая 1904—1905 годов, объясняли свое уча-

стие в «аграрных беспорядках» тем, что экономии оставлены служащими и «без присмотра хозяйство пропадет» [Там же, л. 80].

По мнению В. Б. Безгина, в советской историографии не было уделено должного внимания фактору голода в годы первой российской революции [Безгин, 2017, с. 21]. Документы министерства юстиции свидетельствовали о тяжелом положении с продовольствием в Центральном Черноземье. Крестьяне, задержанные при погроме имения М. Петрово-Соловово, объясняли мотив своего поступка необходимостью добыть продукты питания. Однако, по сведениям земского начальника, голода в этой местности еще не наблюдалось. При погроме был похищен хлеб, который предназначался для продажи самим крестьянам по 25 копеек за пуд [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 а, л. 40].

Не только голод толкал крестьян на разгром экономий. По документам видно, что в нападениях участвовали вполне благополучные общины. Характерен эпизод разгрома имения графини Паниной в Валуйском уезде, где участвовали крестьяне слободы Белого Колодезя, зажиточные и достаточно обеспеченные землей [Там же, д. 47 а, л. 80]. Следствие по делу о разгроме хутора, арендованного В. Аистовым, установило, что 2 ноября 1905 года Е. Колесников побуждал толпу к беспорядкам криками: «Нужно пользоваться чужим добром, пока другие не пришли и не разграбили его» [Там же, д. 47в, л. 112].

Во время крестьянских выступлений употребление алкоголя было повсеместным явлением. Очевидцы утверждали: осенью 1905 года во всех селениях все крестьяне «от мала до велика, даже мальчики и девочки совершенно пьяны, никто не спит. Во всех избах огонь, и у каждой стоят запряженные телеги» [Там же, д. 43а, л. 40]. Употребление водки являлось обязательным средством для раскрепощения, придания храбрости и одновременно притупления чувства самосохранения. Крестьяне понимали, что совершают рискованные действия, но алкоголь помогал избавиться от этих мыслей.

Винные лавки и магазины часто становились непосредственной целью крестьян. 28 октября в селе Пески Новохоперского уезда крестьяне разгромили винную лавку и некоторые магазины [Там же, д. 47а, л. 4]. Неслучайно, участники чрезвычайного Тамбовского уездного земского собрания просили закрыть все казенные винные лавки, а всю водку уничтожить.

О. Г. Вронский характеризовал идейную направленность крестьянского движения в период 1905—1907 годов как «общинный традиционализм», выступавший против того, что мешало привычному функционированию деревенского мира, — будь то развитие капиталистических отношений или феодальный помещичий латифундизм [Вронский, 2000, с. 22]. Монолитность крестьянской общины поддерживалась неприкрытыми угро-

зами сомневающимся: «Кто не пойдет, того все равно сожжем и убьем» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 47 б, л. 8]. Ключевая роль общины в событиях 1917—1918 годов позволила В. М. Бухареву и Д. И. Люкшину ввести в научный оборот термин «общинная революция» [Бухарев и др., 1994, с. 154]. Анализ документов позволяет применить данный термин и к рассматриваемым нами событиям. Схожий алгоритм крестьянских выступлений, несомненно, имеет корни в общинном архетипе менталитета российского крестьянина.

3.2. Алгоритм «погромного» крестьянского выступления

В день погрома в именье являлась группа наиболее активных крестьян, в основном молодежь, по разным поводам. Обычно «зачинщики» требовали денег на водку. Иногда этим дело и ограничивалось, но в большинстве случаев употребление алкоголя становилось стимулирующим фактором для погрома. Широко известно, что решения о «погроме» принималось на мирских сходах, но это не было обязательным условием. По словам дворянина А. С. Федорова, утром перед погромом явились крестьяне и потребовали денег. Несмотря на то, что дворянин дал им 30 рублей, вечером его экономия была разграблена. В результате погрома было похищено 20 тысяч пудов ржи, 1000 пудов гороха и 700 овец. Согласно показаниям очевидцев, крестьяне приехали в экономию на 200 подводах [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 а, л. 17]. Подобные масштабные «походы» требовали определенной подготовки и организации.

Схожие случаи наблюдались по всем губерниям Черноземного центра. 26 октября 1905 года к управляющему имением братьев Суковиных Землянского уезда явились крестьяне и потребовали денег на водку. Когда управляющий отказал, они предложили заключить договор аренды земли. После согласования условий сельчане все же получили «магарыч» и отправились праздновать. Несмотря на договор, в тот же вечер крестьяне разорили именье, забрав не только зерно, но и все запасы продовольствия (две кадки с огурцами, три — моченых яблок, одну — капусты, шесть пудов сала и коровье масло) [Там же, д. 43 б, л. 14]. Погром произошел, несмотря на «нормальные», по словам управляющего, отношения соседних крестьян и данной экономии. Массовые кражи продовольствия свидетельствуют о тяжелом положении деревни после неурожая 1904—1905 годов. Нарушения крестьянами своих обязательств перед землевладельцами характеризует перемену в сознании сельских масс. В новых условиях они готовы были окончательно уничтожить дворянское хозяйство и поделить землю.

Выполнение просьб крестьян могло предотвратить или, по крайней мере, отсрочить погром. 6 ноября 1905 года к управляющему имением «Громок» Цимерману в селе Петровка Кирсановского уезда пришли

40 крестьян, в основном молодежь, и «заявили желание получить денег на водку. Молодые люди объяснили свою просьбу тем, что пришли «поздравить со свободой» (имелись в виду положения манифеста 17 октября 1905 года). Получив 5 рублей, молодежь удалась с криками: «Цимермана жечь не будем!» [Там же, д. 43а, л. 89].

Перед непосредственным «вторжением» в экономию крестьяне высылали вперед «караульщиков», которые, разведав местность, давали сигнал к погрому. Обычно таким сигналом служил поджог стога сена или звук набата. Эти функции брали на себя активные молодые люди.

В документах министерства юстиции содержится множество упоминаний о наличии у крестьян огнестрельного оружия. Конечно, основная масса крестьян была «вооружена» дубинами, кольями, топорами и т. д. Иногда обозы с награбленным сопровождалась импровизированной «стражей», вооруженной как вилами и косами, так и огнестрельным оружием [Андреев, 1925, с. 54]. Эти факты свидетельствуют о готовности погромщиков применять насилие. Хотя в большинстве случаев огнестрельное оружие использовалось только для психологического воздействия на служащих экономий.

Изъятие помещичьего имущества не было «мирным» и «без насилия». Конечно, крестьяне не стремились к совершению убийств и избиений. Но при сопротивлении со стороны сторожей или служащих происходили столкновения. 29 октября при разгроме экономии Овсянниковой в Острогском уезде крестьяне забирали хлеб из амбаров «открыто с насилием» и стреляли в окна служащим [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 47 а, л. 6]. Общим местом были зафиксированные в документах угрозы по отношению к служащим: «Не смей кричать, а то уьем», «не выходите — уьем» и т. д.

При погроме наблюдалось разделение ролей. Часть крестьян стояла на «страже» дома помещика или канторы, никого оттуда не выпуская. Другая часть непосредственно занималась грабежом. Женщины и дети шли сзади и брали оставшиеся вещи или продовольствие. Принимались меры по нейтрализации возможной погони. Так, 27 октября 1905 года при разгроме экономии А. С. Федорова крестьяне увели всех лошадей, которых затем отпустили в 4 верстах от имения [Там же, л. 7]. Подобное разделение ролей свидетельствовало об организованности выступлений, их сознательном характере.

На разгром помещичьих усадеб поднималось поголовно все население деревень. По донесению исполняющего обязанности товарища прокурора графа Капниста, в разорении усадьбы Петрово-Соловово в Кирсановском уезде участвовали как взрослые крестьяне, так и женщины, подростки и дети. Граф сообщал, что при виде войск толпа разбегалась, «бросая огромное количество похищенного имущества» [Там же, л. 39]. При разгроме лавки крестьянина В. В. Лысикова в деревне Скарятинной Борисоглебского

уезда среди погромщиков находились женщины и дети [Там же, д. 47 б, л. 58]. Сплоченность общины при погромах считалась гарантией от репрессий со стороны властей.

При появлении войск погромщиков, как правило, охватывала паника. 4 ноября 1905 года в Острогжском узде после грабежа именья княгини Щербатовой близ хутора Лободина погромщики, увидев казаков, бросились врассыпную. Не помогли призывы вожаков: «Держись одного, не расходишь, держись на Развилки» [Там же, л. 3]. По удачному выражению Д. И. Люкшина, противостоящие стороны придерживались своеобразных «правил игры»: полиция догоняет, крестьяне убегают [Люкшин, 2006, с. 58].

Кроме зафиксированных в документах крестьянских выступлений, происходило огромное количество мелких, откровенно хулиганских действий. Например, в ноябре 1905 года в деревне Толкачевой Елатомского уезда двое пьяных крестьян врываются в дома своих односельчан, выбивали стекла и ломали имущество [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 б, л. 49]. Для периода революции характерно раскрепощение асоциальных элементов общества.

Далеко не все крестьяне поддались искушению разграбить дворянские именья. Немало общин, напротив, брали экономии под свою защиту, не подпуская к ней погромщиков из других селений. Так, крестьяне села Богдановка взяли под свою защиту именье дворянки Чигериной и отбили нападение приезжих, которые были избиты и обращены в бегство [Там же, л. 43]. В деревне Бредихино Каменской волости Тамбовского уезда крестьяне под влиянием слухов о готовившемся разорении взяли на сохранение имущество почетного гражданина П. Сорокина. Впоследствии мебель, двери и другое имущество были возвращены владельцу [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 г, л. 43]. В Коротоякском уезде жена полковника О. Орлова, желая привлечь на свою сторону крестьян, обещала выдать им хлеба. Когда 4 ноября 1905 года жители пришли за обещанной помощью, они подверглись нападению со стороны других общин. В результате более многочисленные погромщики одержали верх, и все крестьяне приступили к грабежу экономии [Там же, д. 47 а, л. 90].

В министерстве юстиции фиксировались случаи столкновения между разными общинами из-за дворянского имущества. Крестьяне слободы Вейделеевки Валуйского уезда на фоне слухов о будущих разгромах решили на сходе взять под охрану соседнюю экономию. 3 ноября 1905 года жители Вейделеевки силой прекратили уже начавшийся грабеж экономии и вынудили погромщиков спастись бегством [Там же, л. 20]. Конечно, крестьяне защищали именья, потому что считали их своей собственностью.

Поиск виновных в погромах облегчали «следы», оставляемые крестьянами в спешке. Многие грабители были сразу же обнаружены по рассы-

панному зерну, ведущему в их дворы. Крестьянские сходы обычно отказывались выдавать властям участников разгрома, мотивируя это незнанием. Только при угрозе применения репрессий начинали называть виновных. 7 ноября 1905 года сход крестьян села Петровского был разогнан выстрелами. Староста после того, как получил удар шашкой, начал называть участников грабежа [Там же, д. 43 б, л. 89]. Сход крестьян села Петровки Княже-Богородицкой волости Тамбовского уезда отказывался вернуть похищенное и выдать зачинщиков даже после выстрелов в воздух. Наиболее активные кричали: «Мы все зачинщики, зачинщиков нет, не бойся, они не в нас стреляют» [Там же, д. 43 в, л. 14].

Важную роль в крестьянских беспорядках играли коммуникации между отдельными поселениями. Координация действий разных общин против помещиков позволяла достигать гарантированного успеха. Например, согласно показаниям свидетеля из хутора Постоялого З. И. Земляка, на сходе крестьяне решили предложить жителям Лисичьево поучаствовать в погроме. Для этого нашли добровольцев и предоставили им плату за работу [Там же, д. 47 г, л. 29].

Изучение архивных материалов позволяет составить приблизительный алгоритм «погромного» крестьянского выступления:

- 1) распространение слухов, агитация, наличие «заразительного примера» соседей;
- 2) подготовительная работа «зачинщиков»;
- 3) решение схода о погроме;
- 4) «разведка» или визит на место предполагаемого «нападения»;
- 5) централизованный сбор и движение к объекту;
- 6) после сигнала — общее «нападение» вечером или ночью;
- 7) повальный грабеж имущества и поджоги строений;
- 8) в случае появлении вооруженной силы — беспорядочное бегство;
- 9) возвращение в деревню, сокрытие награбленного, «круговая порука» при расследовании.

3.3. Роль молодежи в «аграрных беспорядках»

Деятельное участие в «аграрных беспорядках» принимала деревенская молодежь. Характерным «приемом» было направление женщин и подростков как бы на «разведку». Крестьяне села Верхнего-Мальцева вначале отправляли «баб» и подростков собирать хворост, при появлении сторожей они разбежались [Там же, д. 43 б, л. 51]. После этого в лес выезжали открыто целыми обществами. Земледелец И. Зайцев на допросе утверждал, что найденный у него лес срублен не им, а привезен малолетними детьми [Там же, д. 47 г, л. 89].

В документах министерства юстиции сохранились многочисленные свидетельства о роли молодежи в подготовке выступлений. Например, крестьяне

свободы Ольховатки приступили к вырубке леса после возвращения молодежи с заработков по случаю престольных праздников. Молодые люди, уже участвовавшие в погромах, «стали подстрекать своих односельчан к захвату экономического леса, уверяя, что за это никакого наказания не будет» [Там же, д. 47а, л. 94]. Молодежь, менее склонная соблюдать традиционные крестьянские устои, выступала «застрельщиком» аграрных выступлений.

Активными участниками погромов стали новобранцы, принадлежавшие к поколению «революционного перелома», проводы которых сопровождались обильным употреблением алкоголя. Типичный случай произошел в хуторе Екатериновка Елатомского уезда 1 ноября 1905 года, когда к приказчику имения пришли 11 призывников с просьбой дать им полведра водки. После отказа молодежь стала ломать имущество с криками: «Теперь свобода», «мы идем за землю и волю» [Там же, д. 43 а, л. 100]. 27 ноября перед разгромом хутора почетного гражданина Попова в Темниковском уезде к приказчику явились новобранцы Д. Романов, А. Яльянов, Т. Князьков, Е. Кузнецов и потребовали денег на водку. Молодые люди получили 4 рубля, но уже через полчаса на хутор явились погромщики [Там же, д. 43 б, л. 38]. По словам приказчика, организовали это нападение новобранцы.

В документах министерства юстиции отмечалась активная роль в «аграрных беспорядках» юных представителей поколения «революционного перелома». Весной 1906 года Тамбовский окружной суд рассматривал дело несовершеннолетнего крестьянина Г. Каменева, проживавшего в деревне Осиповка Вяжлинской волости Кирсановского уезда, обвиняемого в участии в «аграрных беспорядках». Крестьянин 29 октября 1905 года явился в имение помещика М. Сычева и попросил соломы. Получив отказ, Каменев поджёт омет соломы, что являлось сигналом к погрому, а затем участвовал в грабеже имущества. Когда приказчик имения попытался остановить погромщиков, молодой человек отделился из толпы и с колом в руках загнал его в реку. В ходе следствия Каменев своей вины не признавал, заявляя, что в день погрома не был в имение Сычева. К делу была приложена выписка из метрической книги, согласно которой обвиняемому на момент совершения преступления было 15 лет и 11 месяцев [Там же, д. 43 в, л. 4]. Также Каменев прошел медицинское освидетельствование, которое установило, что он физически и умственно здоров и был на момент преступления в «полном разумении».

Манифест 17 октября 1905 года, даровавший гражданские свободы и законодательную Думу, сыграл роль катализатора аграрных выступлений. Крестьяне по-своему интерпретировали царский указ — политические права и Дума их интересовали мало. Несмотря на отсутствие в манифесте освещения аграрного вопроса, жители деревни восприняли «свободу»

как разрешение законно захватывать землю и грабить имущество дворян. Видимо, крестьяне толковали появление манифеста как слабость власти. Этнограф В. Тан-Богораз в разгар революции утверждал, что до конституции молодое крестьянство терпело, но после 17 октября «выносить долгое поругание личности и организованный разбой сверху не стало никакой возможности» [Богораз, 1906, с. 109].

31 октября 1905 года крестьяне села Павлодар Никольско-Кабаньевской волости Борисоглебского уезда грабили имение наследников В. Аносова с криками: «Свобода! Воля! Ура!» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 47 б, л. 53]. При нападении на хутор Екатериновка «вожак» из числа молодежи Гришаев говорил толпе, что «теперь им дана свобода и нет ни земских начальников, ни какого-либо начальства» [Там же, д. 43 б, л. 23]. 18 февраля крестьяне слободы Морозовки Острогожского уезда оказали сопротивление полицейским, стражникам и казакам при попытке произвести обыск с целью обнаружения украденных вещей. В толпе численностью до 200 человек раздавалась брань в адрес полиции и крики о «нарушении неприкосновенности личности, дарованной высочайшим манифестом 17 октября» [Там же, д. 47 б, л. 108]. В селе Березовке Борисоглебского уезда по донесению сотника, пристава и урядника двое неизвестных «студентов» вели агитацию, якобы «их послал царь объявить крестьянам манифест о том, что вся земля должна принадлежать крестьянам» [Там же, д. 43 а, л. 49]. Современные исследователи отмечают, что в ходе Первой русской революции со стороны крестьян стали все настойчивее звучать призывы к свободе и равенству [Вязинкин и др., 2022, с. 1299].

3.4. Крестьянские «вожаки» в погромном движении.

Среди крестьян, отправлявшихся на погромы, выделялись «вожаки» или «зачинщики». Их лидерство было недолговечным и ситуативным, но они выполняли важную организаторскую роль. При нападении на хутор Екатериновка «вожак» Гришаев убеждал новобранцев: «Давайте делить, зачем пришли, избеём всех, раньше все были согласны, а теперь вот никого нет на дело». После не самых активных действий по разгрому имения «вожак» сетовал: «С вами не отберешь земли у господ» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 б, л. 23]. Во время пожара в экономии крестьянин села Гриневки Е. Михалев читал присутствующим бумагу, где говорилось, что усадьбы господ нужно разбивать и жечь [Там же, д. 47 в, л. 14]. После разорения имения Е. И. Чихачева следствие выявило 9 «зачинщиков», которые угрозами и убеждениями склоняли крестьян к беспорядкам и осуществляли руководство погромом [Там же, д. 43 в, л. 116]. По материалам следствия, «вожди» агитировали участников, давали сигналы к началу грабежа, устанавливали маршрут, дату и т. д.

Обвиняемый по делу о разгроме хутора, принадлежавшего О. Овсяниковой, З. Моргун утверждал, что участников подговорил крестьянин С. Гладкий. Последний агитировал всех на погром, утверждая, что «он человек богатый, имеет 30 десятин собственной земли и много своей пшеницы для продажи, идет на погром из желания помочь другим разбивать экономию». Однако, несмотря на свое «богатство», С. Гладкий, согласно материалам следствия, взял себе 2 мешка пшеницы, которые пришлось на его долю. Это было «круговой порукой» для участников погрома. По показаниям других участников погрома, Гладкий, призывая односельчан на «забастовку», показывал им револьвер [Там же, д. 47 г, л. 26].

Материалы следствия позволяют рассмотреть процесс вовлечения крестьян в «аграрные беспорядки» со стороны «зачинщиков». По показаниям жителей хутора Харьковский, к погрому их подговаривал крестьянин А. К. Задорожный, распуская слух, что хлеб из экономии будет вывезен и продан. Под влиянием этих разговоров крестьяне собрались в доме другого «зачинщика» Я. Осадчего. В этом «клубе» (по показаниям крестьян) установили время запланированного погрома. Другие инициаторы погрома Ф. Журавлев и А. Кулишенко убеждали сельчан, что «царь позволяет грабить панов» [Там же, л. 24].

Фиксировались случаи, когда крестьяне шли рубить чужой лес под руководством сельских старост. В хуторе Кошарный Гончаровской волости сельский писарь Е. Федоров убеждал жителей ехать на разгром, показывая какую-то бумагу, где утверждалось, что можно «безнаказанно грабить помещиков». Писарь подкреплял свое предложение тем, что «всюду грабят помещиков», и обещал выписать себе ружье из Тулы [Там же, л. 27]. В том же хуторе староста Ф. Жук, как один из организаторов, склонял жителей к погрому, называя себя «атаманом шайки» и «Ермаком». Кроме того, крестьянский «вожак» осуществлял «разведку» перед погромом. Перед отправлением в экономию Ф. Жук приказал всем имеющим оружие выйти вперед и осуществлял общее «командование». Таким образом, можно сделать вывод, что в погромном движении 1905 года проявляются элементы крестьянской самоорганизации, которые в будущем станут основой повстанческого движения в годы Гражданской войны.

При расследовании разграбления хутора купеческого сына И. В. Емельянова были задержаны «главные подстрекатели» А. П. Немцов и А. А. Каверин и «главный зачинщик» Е. Е. Булавин. Однако, как выяснилось позднее, Немцов во время грабежа встал на стол и стал громко кричать про «свободу» и как её не следует понимать, уговаривал не грабить хлеб, а просить помещиков продавать землю. Каверин также предупреждал о наказаниях за участие в беспорядках [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 в, л. 56].

В итоге мнимые зачинщики были выпущены из-под стражи. Подобные факты свидетельствуют о наличии определенного количества крестьян, не желавших принимать участия в грабежах.

3.5. Следствие и суд над участниками «аграрных беспорядков»

Местные судебные органы явно не справлялись со своими обязанностями по выявлению и наказанию виновных в погромах. Весной 1906 года министерство юстиции было вынуждено направить предписание прокурору Саратовской судебной палаты по делу о разгроме имения княгини Шаховской при селе Балыклеи. При погроме были уничтожены все хозяйственные постройки, перерезан весь скот (3000 овец и 160 голов крупного скота), причинен убыток на 300 тысяч рублей. В документе констатировалось, что, несмотря на очевидную тяжесть преступления, к следствию было привлечено только 6 лиц, из которых 4 оставались на свободе. Министр поручал «принять все зависящие меры к дальнейшему беззамедлительному и правильному движению этого дела» [Там же, л. 37]. Предписывалось всех подозреваемых, во избежание побегов, содержать под стражей.

В ответ на письмо министра был направлен рапорт, в котором указывалось, что дознание по делу о грабеже имения княгини Шаховской произведено не было, впрочем, как и по большинству дел об «аграрных беспорядках». Деятельность полиции ограничилось произведенным обыском и изъятием ржи, похожей на украденную, у 10 крестьян [Там же, л. 72]. Множественность подобных случаев и ограниченность личного состава полиции не позволяли провести необходимые следственные мероприятия, даже составить протокол. В итоге состоявшийся 20 мая 1906 года суд оправдал всех шестерых подозреваемых, так как единственный свидетель, управляющий имением К. Герман, оказался алкоголиком и отказался от своих первоначальных показаний. По его словам, он «был настолько сильно взволнован, что не рассмотрел хорошо, что именно делали указанные им обвиняемые» [Там же, д. 43 г, л. 43]. Данный прецедент показывает, насколько сложным был процесс наказания виновных «обычным» судом. Неэффективность гражданского судопроизводства стала одной из причин введения военно-полевых судов.

Типичным было решение суда по делу об ограблении «Ситовского хутора» наследников Аносова в пределах Никольско-Кабаньевской волости, который оправдал 57 подсудимых из-за отсутствия улики. Примечательно, что в ходе следствия крестьяне признались в совершенном преступлении, но на суде от них отказались [Там же, л. 58]. Из-за отсутствия свидетелей, ночного времени суток, отказов от показаний, плохого ведения дела множество крестьян-погромщиков сумели избежать наказания. Формулировка «дело прекращено за необнаружением виновных» являлась типичной. Подобная «лояльность» в будущем будет способствовать продолжению аграрных вы-

ступлений. Данный вывод совпадает с мнением Д. И. Люкшина, который утверждал, что «подавляющее большинство выступавших вообще не привлекалось к ответственности за исключением пороков» [Люкшин, 2006, с. 60].

Большинство обвинительных приговоров по делу об «аграрных беспорядках» выносилось по статье 269 части 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, она подразумевала «участие в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилие над личностью, похищение или повреждение чужого имущества, или вторжение в чужое жилище» [Уложение ..., 1901, с. 266]. Максимальное наказание при условии применения оружия составляло 8 лет каторжных работ.

Общее количество крестьян, представших перед судом в Тамбовской губернии за «аграрные беспорядки» в октябре-ноябре 1905 года, по неполным данным, насчитывало 1320 человек. Из них в документах указан возраст 196-ти человек. Средний возраст участника выступлений, по расчетам автора, — 35,6 лет (рис. 1). Учитывая то, что большинство несовершеннолетних никак не фигурировали в документах, реальный средний возраст был несколько ниже. Основную массу осужденных составляли крестьяне зрелого возраста. Из осужденных двадцать человек являлись несовершеннолетними, или 10 %. Согласно законодательству Российской империи, в начале XX века полностью дееспособными считались лица, достигшие 21 года. Всего в материалах судов упоминается о 34 несовершеннолетних крестьянах. Молодые люди получали, как правило, более мягкие наказания, в основном 3—4 месяца тюрьмы. Большая же часть несовершеннолетних была оправдана.

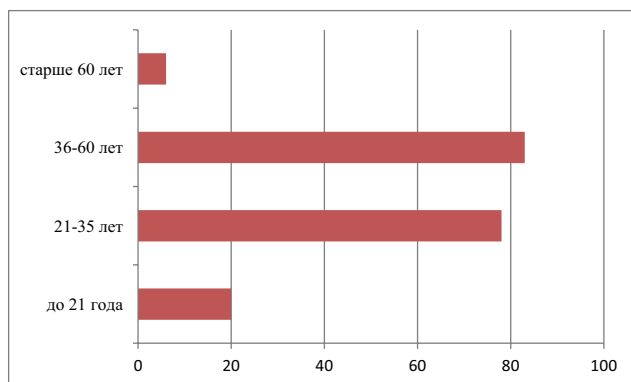

Рис. 1. Возраст крестьян, осужденных за «аграрные беспорядки» осенью 1905 года*

* Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 г. л. 4, 8, 39, 67, 112, 119, 123—139; 43 д. 4, 9, 12, 13, 16, 26-39, 58, 78, 80, 102, 104].

По данным второй диаграммы (рис. 2), наибольшее количество осужденных получили 8 месяцев тюремного заключения. Общее число людей, получивших большие сроки заключения, было относительно невелико. В силу недостатков ведения следствия значительным был процент оправданий.

Рис. 2. Приговоры суда по делам об «аграрных беспорядках» осенью 1905 года*

* Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 г, л. 4, 8, 39, 67, 112, 119, 123—139; 43 д, 4, 9, 12, 13, 16, 26—39, 58, 78, 80, 102, 104]

В советской историографии по идеологическим причинам преувеличивалась роль участия партий, и прежде всего большевиков, в организации крестьянских выступлений. Но в документах министерства юстиции осенью 1905 года отмечалось, что «никаких указаний на, то чтобы крестьяне руководятся посторонними агитаторами, до сего времени не было» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 а, л. 26].

Тем не менее в уездах периодически отмечались случаи революционной агитации. В селе Березовка Борисоглебского уезда были обнаружены прокламации, призывавшие составлять общественный приговор для «удаления» помещиков, а если они не оставляли добровольно имений, применять силу [Там же, л. 49]. На чрезвычайном уездном Тамбовском земском собрании утверждалось, что «беспорядки вызваны агитаторами, склонявшими крестьян к погрому помещичьих усадеб» [Там же, д. 43 в, л. 4]. В Валуйском уезде фиксировалась пропаганда национализации зем-

ли, уравнения прав сословий. В слободе Белый Колодез, по данным урядника, агитация велась акушеркой, курсисткой и студентом [Там же, д. 47 б, л. 81]. Политическая пропаганда сыграла свою роль в крестьянских выступлениях, но её значение не стоит преувеличивать.

4. Заключение = Conclusions

В период революции наблюдалась тенденция к сплочению крестьянского социума. Большинство крестьян мобилизовалось на выполнение первостепенных задач, прежде всего на борьбу за землю. Ключевую роль в выступлениях играла молодежь поколения «революционного перелома» и отходники. Подростки в силу своего возраста были склонны к активным действиям в ходе крестьянских выступлений. Наиболее наглядно это проявлялось во время «визитов» молодежи и призывников в помещичьи усадьбы. Побывавшие в городе маргинальные элементы выполняли побудительную роль — вели агитацию, выступали «зачинщиками».

Мозаичность крестьянского самосознания проявлялась в сочетании традиционного монархизма с условно-социалистическими идеями, привнесенными из города. Пролетарские веяния, привнесенные отходниками в деревню, сосуществовали с «курсом» общины на архаизацию земельных отношений. Антидворянские слухи на фоне аграрного переселения в деревне стали фактором, ускорившим социальный взрыв осенью 1905 года. Слухи о «даровании земли» монархом придавали действиям крестьян видимость легитимности. Все большая радикализация жителей деревни проявлялась в решительных требованиях к владельцам земли. В то же время «погромщики» не были готовы к сопротивлению вооруженным отрядам.

Ключевым побудительным мотивом действий крестьян было тяжелое положение деревни в результате неурожая 1904—1905 годов. Голод толкал сельчан на присвоение дворянской собственности. Городские волнения, свидетельствовавшие об ослаблении режима, являлись фактором, усиливающим радикализм деревни. Немаловажное значение имело обнародование манифеста 17 октября, которое воспринималось крестьянами как предоставление «свободы» решить вопрос о земле.

Масштабные крестьянские выступления осенью 1905 года продемонстрировали слабость карательного аппарата царского режима. Полиция и вооруженные силы оказались неспособными на оперативные действия в условиях обширных пространств Центрального Черноземья. Недостаток кадров не позволял полиции вести тщательное расследование по делам об «аграрных беспорядках». В ходе следствия крестьяне демонстрировали «круговую поруку», что еще более затрудняло поиск виновных. Соответственно, решения судов по отношению к участникам «беспорядков» были

довольно мягкими. В итоге большинство крестьян избежало наказаний, что способствовало дальнейшим выступлениям.

События 1905 года показали кризис крестьянского хозяйства, а «опора стабильности в деревне» — община — стала играть организационную роль в «аграрных беспорядках». Общинная сплоченность крестьянства обуславливала алгоритм стихийного крестьянского выступления. В то же время немалая часть сельского социума не принимала участия в разгроме дворянских имений.

В ходе «аграрных беспорядков» поколение «революционного перелома» впервые получило опыт противостояния власти. В ходе погромов стали выделяться «вожаки», велась «разведка», применялся принцип «круговой поруки». Крестьяне поколения «революционного перелома», получив опыт организации аграрных выступлений, впоследствии применяют его в годы дальнейших потрясений.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 194. Д. 43 а. Лл. 17, 26, 40, 49, 89, 94, 100 ; Д. 43 б. Лл. 14, 20, 23, 38, 43, 49, 51, 74, 89 ; Д. 43 в. Лл. 4, 14, 37, 56, 72, 75, 116 ; Д. 43 г. Лл. 4, 8, 39, 43, 58, 67, 112, 119, 123—139 ; 43 д. 4, 9, 12, 13, 16, 26—39, 58, 78, 80, 102, 104 ; Д. 47 а. Лл. 4, 6, 7, 20, 39, 80, 90, 102 ; Д. 47 б. Лл. 3, 8, 10, 53, 58, 81, 108 ; Д. 47 в. Лл. 14, 112 ; Д. 47 г. Лл. 24, 26, 27, 29, 89, 94, 95.

2. *Уложение* о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1901. — 931 с.

Литература

1. *Андреев В. Д.* 1905 г. : Крестьянское движение в Тамбовской губернии / В. Д. Андреев. — Тамбов : Пролетарский светоч, 1925. — 132 с.

2. *Безгин В. Б.* Погромное движение 1905—1907 гг. и повстанчество 1920—1922 гг. тамбовского крестьянства : общее и отличие / В. Б. Безгин // *История : факты и символы.* — 2017. — № 3. — С. 20—27.

3. *Безгин В. Б.* Крестьянские дети и подростки в аграрных выступлениях 1905—1907 годов / В. Б. Безгин // *Крестьяноведение.* — 2023. — Т. 8. — № 3. — С. 63—77. — DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-63-77.

4. *Богораз В. Г.* Новое крестьянство / В. Г. Богораз. — Санкт-Петербург : Народная мысль, 1906. — 120 с.

5. *Бухарев В. М.* Российская смута начала XX века как общинная революция / В. М. Бухарев, Д. И. Люкшин // *Историческая наука в меняющемся мире.* — Казань : Изд-во Казанского университета, 1994. — Выпуск 2. — С. 154—160.

6. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина : Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 367 с. — ISBN 978-5-8243-1311-6.

7. *Вронский О. Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений (1905—1917) / О. Г. Вронский. — Москва : МПГУ, 2000. — 418 с. — ISBN 5-88422-251-3.
8. *Вязинкин А. Ю.* Крестьянский традиционализм в годы “революционного перелома” / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 27. — № 5. — С. 1296—1303. — DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303.
9. *Гаврилюк И. В.* Крестьянское движение в Орловской губернии в период Первой российской революции 1905—1907 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02. — Воронеж, 2013. — 23 с.
10. *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. / С. М. Дубровский. — Москва : Изд-во акад. наук, 1956. — 168 с.
11. *Ипполитов В. А.* Революция 1905—1907 гг. В воспоминаниях крестьян Тамбовской губернии / В. А. Ипполитов // Вестник архивиста. — 2023. — № 3. — С. 726—738. — DOI: 10.28995/2023-0101-2023-3-7-726-738.
12. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в России в годы Первой российской революции / В. В. Кондрашин // Северо-Запад в аграрной истории России. — 2020. — № 26. — С. 195—212.
13. *Левада Ю. А.* Поколения XX века : Возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5. — С. 7—14.
14. *Люшкин Д. И.* Вторая российская смута : крестьянское измерение / Д. И. Люшкин. — Москва : АИРО, 2006. — 142 с. — ISBN 5-91022-012-8.
15. *Миронов Б. Н.* Российская империя : от традиции к модерну : в 3 т. / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Булганин, 2015. — Т. 2. — 912 с. — ISBN 978-5-86007-786-7.
16. *Нефедов С. А.* История России : факторный анализ / С. А. Нефедов. — Москва : Территория будущего. — 2010. — Т. 2. — 685 с. — ISBN 978-5-91129-075-7.
17. *Разиньков М. Е.* Аграрное движение в центральном Черноземье в 1905—1917 гг. : к вопросу о зонах минимальной конфликтности / М. Е. Разиньков // Вопросы истории. — 2021. — № 7—1. — С. 33—45. — DOI: 10.31166/VoprosyIstori202107Statyi03.
18. *Сафонов Д. А.* Крестьянское поколение «революционного перелома» : начало становления / Д. А. Сафонов // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. — 2023. — Т. 28. — № 3. — С. 673—688. — DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688.
19. *Сенчакова Л. Т.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. / Л. Т. Сенчаков. — Москва : Наука, 1989. — 264 с. — ISBN 5-02-008458-1.
20. *Степынин В. А.* Крестьянство Черноземного центра в революции 1905—1907 гг. / В. А. Степынин. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1991. — 166 с. — ISBN 5-7455-0422-6.
21. *Тюкавкин В. Г.* Крестьянство России в период трех революций : Кн. для учителя / В. Г. Тюкавкин, Э. М. Щанин. — Москва : Просвещение, 1987. — 206 с.
22. *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.
23. *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. 1917—1922 / Т. Шанин. — Москва : Весь мир, 1997. — 590 с. — ISBN 5-7777-0039-X.

24. De Laubier P. 1905 : mythe et réalité de la grève Générale : le mythe français et la réalité russe / P. De Laubier. — Paris : Éd. univ., 1989. — 272 p. — ISBN 2-71113-0367-5.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024,
одобрена после рецензирования 23.03.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

RGIA — *The Russian State Historical Archive*. (In Russ.).
The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. (1901). St. Petersburg: State Printing House. 931 p. (In Russ.).

References

- Andreev, V. D. (1925). *1905: The peasant movement in the Tambov province*. Tambov: Proletarian svetoch. 132 p. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2023). Peasant children and adolescents in agrarian performances of 1905—1907. *Krestyanovedenie*, 8 (3): 63—77. DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-63-77. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2017). Pogrom movement of 1905—1907 and the insurgency of 1920—1922 of the Tambov peasantry: common and different. *History: facts and symbols*, 3: 20—27. (In Russ.).
- Bogoraz, V. G. (1906). *New peasantry*. St. Petersburg: Narodnaya mysl. 120 p. (In Russ.).
- Bukharev, V. M., Lyukshin, D. I. (1994). The Russian turmoil of the beginning of the XX century as a communal revolution. In: *Historical science in a changing world*, 2. Kazan: Publishing House of Kazan University. 154—160. (In Russ.).
- De Laubier, P. (1989). *1905: mythe et réalité de la grève Générale: le mythe français et la réalité russe*. Paris: Éd. univ. 272 p. ISBN 2-71113-0367-5. (In Paris.).
- Dubrovsky, S. M. (1956). *The peasant movement in the revolution of 1905—1907*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences. 168 p. (In Russ.).
- Gavrilyuk, I. V. (2013). *The peasant movement in the Orel province during the First Russian Revolution of 1905—1907*. Author's abstract of PhD Diss. Voronezh. 23 p. (In Russ.).
- Ippolitov, V. A. (2023). Revolution of 1905—1907. In the memoirs of peasants of the Tambov province. *Bulletin of the archivist*, 3: 726—738. DOI: 10.28995/2023-0101-2023-3-7-726-738. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2020). The peasant movement in Russia during the First Russian Revolution. *The North-West in the agrarian history of Russia*, 26: 195—212. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 5: 7—14. (In Russ.).
- Lyukshin, D. I. (2006). *The Second Russian Turmoil: the peasant dimension*. Moscow: AIRO. 142 p. ISBN 5-91022-012-8. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2015). *The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes*, 2. St. Petersburg: Dmitry Bulgaganin. 912 p. ISBN 978-5-86007-786-7. (In Russ.).
- Nefedov, S. A. (2010). *History of Russia: factor analysis*, 2. Moscow: The Territory of the Future. 685 p. ISBN 978-5-91129-075-7. (In Russ.).
- Razinkov, M. E. (2021). Agrarian movement in the central Chernozem region in 1905—1917: on the issue of zones of minimal conflict. *Questions of history*, 7—1: 33—45. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202107Statyi03. (In Russ.).

- Safonov, D. A. (2023). The peasant generation of the “revolutionary turning point”: the beginning of formation. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 28 (3): 673—688. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688. (In Russ.).
- Senchakova, L. T. (1989). *The peasant movement in the revolution of 1905—1907*. Moscow: Nauka. 264 p. ISBN 5-02-008458-1. (In Russ.).
- Shanin, T. (1997). *Revolution as a moment of truth. Russia 1905—1907, 1917—1922*. Moscow: The Whole World. 590 p. ISBN 5-7777-0039-X. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Stepynin, V. A. (1991). *The peasantry of the Chernozem center in the revolution of 1905—1907*. Voronezh: Publishing House of Voronezh University. 166 p. ISBN 5-7455-0422-6. (In Russ.).
- Tyukavkin, V. G. (1987). *The peasantry of Russia in the period of three revolutions: A book for a teacher*. Moscow: Prosveshchenie. 206 p. (In Russ.).
- Viola, L. (2010). *Peasant revolt in the Stalin era: Collectivization and culture of peasant resistance*. Moscow: ROSSPEN. 367 p. ISBN 978-5-8243-1311-6. (In Russ.).
- Vronsky, O. G. (2000). *The state power of Russia and the peasant community in the years of great upheavals (1905—1917)*. Moscow: MPSU. 418 p. ISBN 5-88422-251-3. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu. (2022). Peasant traditionalism in the years of the “revolutionary turning point”. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 27 (5): 1296—1303. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303. (In Russ.).

*The article was submitted 26.01.2024;
approved after reviewing 23.03.2024;
accepted for publication 22.04.2024.*